

УДК 316

От постмодернистской девиантологии к пост-постмодернистскому синтезу криминологических знаний

Комлев Ю.Ю.

Доктор социологических наук, профессор, начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

Рассмотрены основные концепты постмодернистской девиантологии, типы причинности, положения постмодернистской криминологии и пост-постмодернистского синтеза криминологических знаний.

Ключевые слова: постмодернизм, постмодернистская реконструкция, постмодернистская девиантология, пост-постмодернистский синтез криминологических знаний, интегративная криминология.

Постмодернизм как философско-социологическое течение возник в результате реакции, рефлексии ученых на кризис науки и практики эпохи модерна, на социальные изменения в поздних индустриальных и постиндустриальных обществах, когда наблюдается обострение многих социальных, техногенных, экологических проблем, когда при резком увеличении неопределенности социальных явлений становятся очевидными их проявления, связанные со случайностью, многовариантностью, альтернативностью. Это особый стиль научного воображения и теоретизирования, методология реконструкции и познания старых и новых социальных проблем, в том числе девиантности.

Философия и социология постмодернизма уходит своими корнями к Ф. Ницше, М. Хайдеггеру, французской социальной мысли конца 1960-х и 1970-х гг. прошлого века. Она противопоставляет себя гегельянству, подвергая резкой критике идеи западного рационализма и логоцентризма. Творцы и последователи постмодернизма в обществознании – французские философы Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, итальянский философ Дж. Ваттино, британский социолог З. Бауман.

С другой стороны, социологи рассматривают постмодернизм как переходную эпоху, как иной образ жизни и новую культуру. Постмодернизм отражает транзит общества от эпохи модерна к состоянию постмодерна на фоне ускорения технологических и социальных изменений, его транзит от классовой структуры к модели фрагментарного, мозаичного типа. Экономика постмодерна больше ориентирована на производство идей, знаний, информации, на

оказание услуг для удовлетворения индивидуальных потребностей и массового консьюмеризма, на производство новых высоких технологий.

Как известно, модернистская наука опирается на убеждение о том, что в мире существуют универсальные вещи, которые могут быть обнаружены через изучение причин. Модернизм рассчитывал на постижение истины с помощью позитивистской науки и эмпирических методов с целью рационального преобразования несовершенной действительности путем искоренения невежества, развития демократии, обеспечения свобод, правосудия, движения к хорошей, благополучной жизни и процветанию. Он вселял надежду на решение проблем голода, бедности, преступности. Модернизм приравнивал социальные изменения к прогрессу, который увеличивает контроль над природой и обществом. Однако реальность XX в. и наступившего XXI в. с разрушительными войнами, геноцидом, преступностью, социальными и техногенными катастрофами развенчала иллюзии прекрасного модернистского общества.

Применение всеобъемлющих социальных теорий, традиционной позитивистской методологии, созданных социологами в эпоху модерна, для исследования размытых, во многом эфемерных, постоянно ускользающих, диффузных социальных реалий, в том числе релятивных поведенческих и стилевых характеристик, таких, как различные проявления девиантности и преступности, стало непродуктивно. Более того, в общественной науке второй половины прошлого века разразился «кризис детерминизма» и стала очевидна ограниченность позитивистской теории и методологии.

Альтернативная постмодернистская логика анализа характеризуется как новый тип теоретизирования, открытый не только для рациональных, но и для иррациональных понятий. Постмодернизм – это и новые методологические подходы и методы в социологическом изучении социальной реальности. Современные исследователи используют дискурсивный анализ, теорию нелинейных динамических систем, теорию хаоса, теорию катастроф, синергетический и другие подходы [1].

Для философии и социологии постмодернизма присущи рефлексивность: способность к самопознанию, пастиш (смешение стилей, заимствованных из различных контекстов). Постмодернизм характеризуется интенсивным скептицизмом по отношению к позитивистской науке, возможностям человеческого разума, релятивизацией всех знаний. Он ставит под сомнение эффективность научно-рационалистических теорий, созданных в эпоху модерн, поддерживает плюрализм различных концепций и предлагает замену эмпирически обоснованных теорий постэмпирическими. По сути, постмодернизм представляет собой экстерниоризацию той части социального опыта, который не выражен институциональными средствами и структурами современного общества. Он больше имеет дело с социальной коммуникацией, дискурсами, делая их центральными категориями постмодернистского типа мышления. В рамках постмодернизма виртуальная сконструированная социальная реальность (симулякры и симуляции, по Ж. Бодрийару) детерминирует реальность объективную.

Постмодернизм проблематизирует представления о современном порядке, контроле и власти в обществе. В рамках постмодернистского подхода ни социальные науки в целом, ни девиантология и криминология, в частности, не содержат никаких основополагающих объяснений или универсальных законов конформного и девиантного поведения, а лишь вводят в заблуждение, что требует отказа от позитивистских моделей.

Постмодернистская девиантология и криминология как критическое научное направление формируется в 80-е, 90-е гг., на исходе века в работах Б. ДиКристина, Э. Янг, Дж. Фэррела, К. Хейворда, Д. Миловановича не как одна теория, а как группа относительно новых или вновь появляющихся теоретических перспектив постмодернистского анализа девиантности и преступности. Среди них: конститутивная, феминистская, критическая, культуральная, реалистическая, топологическая, анархическая криминологии. Постмодернистская девиантология – это ответ науки на социальные вызовы и перемены в сфере девиантности и преступности, обусловленные переходом общества к эпохе постмодерна. Девиантология постмодерна стала востребована потому, что прежние позитивистские теории недостаточно адекватно объясняют причины девиантности и преступности и, следовательно, пред-

лагают не вполне реалистичные решения по совершенствованию социального контроля [2].

Большинство постмодернистских подходов в девиантологии и криминологии являются деконструкционистскими, поскольку они бросают вызов нередко вполне эффективным теориям преступности, переосмысливают и разоблачают их несостоятельность в новых условиях и выдвигают новые замещающие теоретические конструкции более релевантные обществу постмодерна [3, р. 256]. Так, например, Брюс ДиКристина предложил свой вариант деконструкционистского подхода под названием «анархическая криминология» [4]. Его теория охватывает альтернативные методы и эпистемологию, поддерживает символически реконструированные решения социальных и криминальных проблем.

Различные варианты постмодернистской девиантологии и криминологии конструируют и деконструируют социальные нормы, девиантность, преступность, социальный контроль, рассматривая их в предельно широком социокультурном, интегральном контекстах.

Криминолог-постмодернист феминистского направления Э. Янг в работе «Образ преступления: человек, объявленный вне закона, и криминальные беседы» (1996) переосмысливает криминологические тексты, предлагая «прочитать криминологию не криминологически», проводит дискурсивный анализ, исследует роль языка, символов и метафор в создании образов преступного поведения [5]. Она исследует проблематику одиночества в жизни женщин и семьи, поднимает вопросы ответственности родителей за девиантность детей, постмодернистски «прочитывает» и «реконструирует» тему СПИДа.

Другой вариант постмодернизма в криминологии представлен в работе одного из основателей конститутивной криминологии Драгана Миловановича «Криминология постмодерна» (1997). Д. Милованович использует приложения семиотики и семантики для изучения преступности и реконструкции уголовного закона.

Преступность и контроль над ней рассматриваются ученым как релятивные социальные конструкты, а также как неопределенные, взаимосвязанные, релятивные, динамические и диалектические явления, продуцированные в ходе социального процесса, в который вовлечены преступник, его жертва и общество.

В понимании постмодернистов преступность еще и рекурсивная продукция, поскольку люди создают (конструируют) себя и собственный мир через взаимодействие с окружающими в процессе речевой коммуникации. Посредством языка и символических представлений они идентифицируют отличия, определяют категории, тем самым участвуют в социальном конструировании преступности и порядка. При этом человек не только формирует действительность, но и сам изменяется под ее влиянием. Отсюда девиантность и преступность, социальный контроль – это рекурсивный результат, однообразные действия,

которые стали частью исторического и культурного общения, достигшие относительной стабильности в определенном времени и пространстве.

Тем самым, согласно постмодернизму, преступность – интегральная часть общества, это – результат совокупного воздействия всех его элементов, а не их отдельное влияние. Она вызвана социальной структурой и идеологией, разделяющих отношения между людьми в контексте дискурсивных практик по вопросам распределения ответственности друг перед другом во властной иерархии [1]. Следовательно, и преступник, и его жертва – результат неравного распределения и влияния власти, то есть структурированного неравенства.

Запас знаний и научных исследований до середины 70-х гг. XX в. не позволял выделить самостоятельный дискурс теоретической интеграции в рамках более сложных концепций, объясняющих изменения темпов насильственной преступности представителей низшего класса или моделирующих латентную делинквентность в среде «белых воротничков» и буржуазной элиты. Рост числа девиантных проявлений, их дифференциация, а также неспособность системы формального социального контроля в развитых странах Запада и, прежде всего, в США сбить «волну преступности» во второй четверти прошлого века привели к «кризису наказания» или «полицейского контроля». В новых социальных условиях сложился запрос на разработку интегративной парадигмы в девиантологии и криминологии.

Интегративный подход в моделировании природы делинквентности и других форм социального неблагополучия предполагал более полный учет различных сфер человеческой деятельности, синтез причинно-следственных связей, заимствованных из ряда непротиворечивых монотеорий. Интегративная перспектива анализа девиантности и преступности стала формироваться со второй половины 70-х, в 80-90-е гг. как реакция на ограниченность объяснительных возможностей большого количества монотеорий девиантности и преступности в новых социальных условиях. С другой стороны, этот процесс подстегнул «кризис детерминизма», развитие альтернативных позитивизму феноменологических и постмодернистских подходов. Впрочем, попытки интеграции элементов научных теорий, их взаимное влияние имели место и на более ранних этапах развития девиантологической науки, например, в работах Коэна (1955), Клоурда и Олина (1960), Реклеса (1973) и других социологов и криминологов.

Интерес ученых к теоретической интеграции был также связан с тем, что девиантологи стремились разработать базовые понятия и принципы причинности, способные обеспечить согласованность положений отдельных теорий и выстроить более комплексные, если не всеобъемлющие, этиологические модели девиантности и преступности. Так,

Джек Гиббс (1989) определил понятие «контроль», а Стивен Месснер и Ричард Розенфельд (1994) идентифицировали концепт «культура» как центральное понятие интегративной теории. Интегративный подход стал многообещающим в более адекватном комплексном объяснении множественных причинно-следственных связей в контексте объяснения природы различных проявлений девиантности и практик социального контроля. Дополнительным импульсом к развитию интегративных теорий послужило развитие феноменологической и постмодернистской криминологии. В результате сложились как *модернистские*, так и *постмодернистские модели теоретической интеграции*. В начале XXI в. в интегративном дискурсе были заявлены и *пост-постмодернистские варианты теоретического синтеза*.

И.И. Эйнстэдтер и С. Генри в 1995 г. выделили четыре типа причинности в контексте модернистской и постмодернистской теоретической интеграции (*линейная, множественная, интерактивная, диалектическая*) [6, р. 191].

Линейную причинность они интерпретировали как последовательность событий, в которой каждый предыдущий случай генерирует условия для последующего, пока не наступит финальный криминальный акт. Множественная причинность в ранних интерпретациях криминологов моделировала преступный акт как результат действия нескольких условий (разрыв с родителями, слабая приверженность к школьной учебе, идентификация с преступной группой): любое из них могло привести к преступлению. В более поздних вероятностных версиях причины преступления стали выступать необходимым, но недостаточным условием для совершения преступления. Интерактивная причинность характеризуется еще большей сложностью, поскольку причина и следствие имеют циклический характер взаимодействия, меняясь местами. Диалектическая причинность является образцом множественной интерактивной причинно-следственной взаимосвязи. Она охватывает взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно.

В модернистских интегративных теориях, как правило, подразумевается линейная или множественная причинность. Постмодернистская и постпостмодернистская интеграция учитывает более сложную связь причины и следствия. Это и множественная интерактивная, и диалектическая причинность.

Многообразии подходов к теоретической интеграции привело, по мысли Генри и Миловановича, к формированию *гибридных (смешанных)* вариантов интеграции, сочетающих положения и методы, созданные в рамках модернизма (принципы, факты и ценности эмпиризма) и постмодернизма (постмодернистский реконструкционизм).

Особого внимания российских девиантологов заслуживает опыт теоретической интеграции с позиций постмодернизма. И это неслучайно, поскольку

в эпоху «ультрасовременного капитализма» формируется Новый мировой порядок. Социальное доминирование базируется уже не только на эксплуатации человеческого труда, но и на технологических нововведениях: управление и манипуляции людьми приобретают все более скрытый характер. В механизмах социального контроля растет манипулятивная роль массовой информации, Интернета, других масс-медиа и популярной культуры. Социальная реальность, скрепленная Интернетом, социальными сетями и массовыми телекоммуникациями, все больше приобретает черты отчужденного и фрагментарного мира.

На девиантность и преступленное поведение все большее влияние оказывают факторы возраста, гендера, класса и других социальных, а также психологических характеристик индивидов, пересекающихся друг с другом в контексте жизненного мира и личного опыта людей как членов различных общностей. И если для девиантологов-позитивистов важны, прежде всего, объективные причины девиантности и преступности, постижение логики совершения преступлений и осуществления социального контроля в новых условиях, то постмодернисты учитывают и интерпретацию субъективных факторов, «чувственных смыслов» при совершении девиантных действий.

Некоторые из них анализируют моральную привлекательность и эмоциональные аргументы при совершении краж из магазинов, в результате телефонного мошенничества фрикером, электронных краж хакером. Сторонники культуральной криминологии, конструируя преступность как продукт культуры (*as creative constructs*), сосредотачиваются на изучении преступлений, совершаемых представителями субкультурных групп. Среди них: байкеры, скинхеды, художники, работающие в стиле граффити. Этим молодым людям объединяют определенные образы, стили, символические формы, удовольствия, вызванные нередко сопротивлением власти и участием в запрещенных видах деятельности. Неслучайно криминолог-постмодернист Джефф Фэррел заявляет, что «ситуативные удовольствия, разделенные волнением и выплеском адреналина, определяют опыт и значение преступлений для многих из тех, кто причастен к их совершению... Преступность вытекает из моментов криминального гедонизма, а также волнений, связанных с сопротивлением классовому неравенству, со спецификой потребления и гендерных различий» [6, p. 217].

Девиантная реальность «ультрасовременного капитализма» в эпоху постмодерна и критика постмодернистами неопозитивистской криминологии, в том числе ее интегративной перспективы в вопросах теории привели к опыту постмодернистского теоретического синтеза. Над этой проблематикой активно работают, начиная с 90-х гг. прошлого века, молодые американские криминологи-постмодернисты Роберт Сэмпсон и Джон Лауб, Брайен Вила, Брюс Арриго, Джеймс Мессершмидт, Грег Барак.

Роберт Дж. Сэмпсон (р. 1956) и Джон Х. Лауб (р. 1953), совершенствуя теорию жизненного пути, в 1993 г. использовали возможности постмодернистской реконструкции. Процесс преступления они представляли в виде модели «путей и поворотных моментов в жизни», отображающей социальное (ре)конструирование преступления. Центральная идея теории этих авторов состоит в том, что «преступление и девиация – это результат слабых или нарушенных связей индивидуума с обществом». Р. Сэмпсон и Х. Лауб особо выделили «роль неформальных средств социального контроля, которые зависят от взаимосвязи и структуры связей между людьми и связывают членов общества друг с другом с более широкими социальными институтами, такими как, работа, семья и школа» [6, p. 186-235]. Исследователи активно использовали как количественные, так и качественные социологические методы. Анализ объединенных эмпирических данных относительно жизненных историй подтвердил, что стабильность и изменения в поведении людей связаны с институтами занятости и отношениями в семье на протяжении всей взрослой жизни.

Брайен Вила в 1994 г. разработал интегративную эволюционно-экологическую теорию понимания девиантности и преступности. Его теория рассматривает взаимодействия между причинными факторами посредством различных дисциплин. В теоретическом синтезе Б. Вила использует положения эволюционной экологии, проблемно-ориентированный и дисциплинарно-ориентированный подходы к пониманию преступного поведения.

Брюс Арриго (р. 1964) в 1995 г. рассматривает интеграцию более определенно в рамках постмодернизма как синтез, который касается «релятивной, позиционной и предварительной функцией для интерпретации, толкования, поверки и отказа от некоторых дискурсов, а также их выражения для конструирования реальности в расходящихся социальных отношениях». Этот синтез включает разнообразные знания из психоанализа, семиотики, постструктурализма, деконструктивизма, учитывает роль человеческого фактора и социальные изменения. Тем самым постмодернистская интеграция, согласно Б. Арриго, стремится «понять вектор и изменяющиеся пути, которыми социальные группы сообщаются и дают рекомендации по борьбе с преступностью в местные органы власти, правосудия, законотворчества» [6].

Исследования Р. Сэмпсона и Х. Лауба, Б. Вилы и Б. Арриго во многом совместимы не только с постмодернистским подходом С. Генри и Д. Миловановича, но и со структурной теорией Э. Гидденса, в которой описывается дуальность объективизма и субъективизма, ясно формулируется синтетическая модель интегративной науки о преступности.

На рубеже XXI в. появились новые интересные работы в рамках постмодернистского синтеза. Сре-

ди них: теория преступности как структурированного действия Джеймса Мессершмидта (1997), в которой автор конструирует преступность с помощью дискурсов и через способы, которыми люди активно формируют свои идентичности (гендерную, классовую, расовую) в тех или иных социальных контекстах и ситуациях. Интегративный подход Мессершмидта показывает, что преступление – рекурсивная продукция, являющаяся неотъемлемой частью историко-культурных дискурсов, сложившихся в течение длительного времени. Ученый в новой работе «Пол, гетеросексуальность и молодежное насилие: борьба за признание» (2012) развивает положения своей интегративной теории.

Особого внимания заслуживает опыт пост-постмодернистского синтеза криминологических знаний Грэга Барака (р. 1948). Свою модель интеграции Барак выстроил, исходя из положений интегративного подхода Дж. Тикосинера с его идеей объединения всех исследований и знаний в единую гуманитарную науку, теории структуриации социолога Э. Гиденса, конститутивной теории криминологов феноменолого-конструктивистской ориентации С. Генри и Д. Миловановича, постмодернистской криминологии.

Основу теории Г. Барака составляют такие посылы из конститутивной криминологии, как положение о релятивном и сконструированном характере девиантности и преступности. Взаимодействуя друг с другом в процессе коммуникации, жертвы, преступники, полицейские, судьи средствами языка конструируют преступность и контроль над ней как взаимосвязанные, динамические, диалектические явления. Преступное поведение – рекурсивная продукция – однообразные действия, ставшие частью исторического и культурного контекстов, получившие относительную стабильность в определенном временном и пространственном измерениях.

Согласно модели Г. Барака, преступность и социальный контроль над ней – результат совокупного воздействия всех объективных (политических, экономических социальных) и субъективных факторов (чувственно-эмоциональных), а не их отдельное влияние. Отсюда основа его пост-постмодернистского синтеза представляет собой объединение в открытую к изменениям и дополнениям систему не только специализированных криминологических знаний, но и смежных с ними дисциплин. Ученый интегрирует знания из сферы материального мира, связанные с отклонениями и репрессиями, из естественных и социальных наук (культурологии и человековедения, социальной экологии и политэкономии, позитивистской, феноменологической и постмодернистской криминологии). Пост-постмодернистский подход Барака предполагает предельно широкий вариант теоретической интеграции в современной науке о преступности.

Интегративная модель Г. Барака позволяет объединить как позитивистские, так и постмодернистские

теории девиантности и преступности. Их взаимодействие и взаимодействие со знаниями из области культуры, масс-медиа в контексте социальной экологии и развития политической экономики составляют, по мысли ученого, основную идею интегративной пост-постмодернистской криминологии [6, р. 216-232].

Предпочтение интеграции криминологических знаний на пост-постмодернистской основе Г. Барак обосновывает тем, что она учитывает как на микро-, так и макроуровне взаимное влияние зависимых и независимых переменных (множественная интерактивная причинность), а также то, что эти моделируемые явления (девиантность, преступность, социальный контроль) сложны и неопределенны, постоянно и достаточно быстро меняются во времени.

В работе «Интегративная криминология» (1998) Г. Барак обосновал тезис о том, что теоретическая интеграция – необходимая предпосылка для переустройства криминологии, способ ухода от ведущей карающе-административной формы социального контроля в сторону новой более превентивной социально-демократической формы регуляции отношений в области противодействия преступности и другим формам девиантности. Интегративная трансформация, к которой он призвал ученых, включает как «разрушение, так и реконструкцию ритуалов в преступности, в криминологии, системе формального и неформального социального контроля» [6, р. 236-255].

Развитие пост-постмодернистского синтеза девиантности и преступности с объяснением работы системы правосудия в англоязычной литературе закрепилось под названием интегративно-конститутивной теории преступности, закона и социальной юстиции Г. Барака и С. Генри (1999). Эта концепция моделирует процесс со-конструирования преступности и правосудия. Вид синтеза, предложенный учеными-постмодернистами, – попытка соединить пересечение классовых, расовых, гендерных знаний и характеристик с динамикой формирования социальной идентичности и массовыми коммуникациями. Она связывает анализ культурных практик с изучением преступности, описывает разнообразные тезаурусы, с помощью которых различные люди, потерпевшие от насилия, выстраивают дискурсы с различными организациями уголовной юстиции, осуществляющими власть [7].

В «Энциклопедии преступности и наказания» (2002) Г. Барак пишет, что некоторые из синтетических моделей интегрированного знания в рамках пост-постмодернистского подхода могут сочетать положения современного эмпиризма и постмодернистского реконструкционизма. Интегративная парадигма – многообещающее направление развития науки о девиантности и преступности [7]. Именно пост-постмодернистские интегративные модели преступности и противодействия преступности, по Бараку, будут наиболее перспективными для развития криминологической теории в новом столетии.

В работе «Криминология: интегративный подход» (2009) Грэг Барак продолжает развивать свой пост-постмодернистский подход к пониманию природы девиантности и преступности, но уже в контексте глобализации [8]. Он критически оценивает криминологические теории в исторической ретроспективе, обосновывает интегративное изучение преступности, мер социального контроля над ней, аргументирует предложения по совершенствованию системы уголовного правосудия в глобальном мире.

Таким образом, пост-постмодернистская модель интеграции криминологических знаний охватывает проявления делинквентности и контроля над ними в форме, присущей как модернизму, так и постмодернизму, покрывая всю возможную картину девиантной и криминальной реальности, в том числе в глобальном социальном контексте. Кроме того, она учитывает все важные аспекты взаимоотношений между субъектами отклоняющегося поведения и контроля как на индивидуальном, так и социальном уровнях развития.

Постмодернистская девиантология и криминология, в том числе интегративная, не свободны от критики. Ее воспринимают отнюдь не все зарубежные и, тем более отечественные ученые-позитивисты. Эти знания, увы, еще не находят адекватного отражения во многих монографиях, учебниках и пособиях по девиантологии, социологии девиантности и преступности, криминологии. Постмодернистская наука находится в оппозиции к традиционной девиантологии и криминологии. Постмодернистскую девиантологию критикуют обычно за релятивизацию знаний, отказ от позитивистских методов исследования, разрушение традиционных положений и реконструкции, за пастиш (смешение) подходов и контекстов, за трудности эмпирической проверки основных понятий и положений.

Тем не менее, развитие девиантологии и, прежде всего, ее наиболее развитой части – криминологии в постмодернистской перспективе – реальный факт, позволяющий увидеть новые базовые черты этой социологической науки в начале третьего тысячелетия. Попытку структурировать их сделал американский исследователь Эдвард Уэллс в статье под названием «Объяснение преступности в 2010 году». Будущее девиантологии и криминологии видится Уэллсу в следующих утверждениях:

- более эклектичная, чем прежние теории, и более междисциплинарная, то есть менее привязанная к одной теоретической традиции или дисциплине;
- более компаративная и менее ограниченная единственным типом общества или единственной доминантной группой в нем;
- скорее индивидуалистическая, чем коллективистская, более волюнтаристическая, чем детерминистская;
- ориентированная больше на прикладную, прагматическую направленность;
- нацеленная больше на объяснение преступности «белых воротничков» и элиты;
- более рефлексивная, прибегающая, в том числе, к использованию реконструированных положений из биологических оснований человеческого поведения, теоретических подходов из биологической и медицинской области [3, p. 251].

Литература:

1. Milovanovic D. Postmodern Criminology. – N.Y.-L.: Garland Publishing, Inc., 1997.
2. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. – Казань: КЮИ МВД России, 2013. – 302 с.
3. Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. – New Jersey, 1999. – 624 p.
4. DiCristina B. Methods in criminology: a philosophical primer. Harrow and Heston. – N.Y., 1995.
5. Young A. Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations. – N.Y.: Sage Publications, 1996. – 230 p.
6. Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. – 330 p.
7. Интегративные теории, интегративные криминологии // Энциклопедия преступности и наказания (Sage, 2002). – URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative_htm
8. Barak G. Criminology: An Integrated Approach. – Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.

From Postmodern Deviantology to Postmodern Synthesis of Criminological Knowledge

Yu. Yu. Komlev

Kazan (Volga Region) Federal University

The paper dwells upon the main concepts of postmodern deviantology, types of causality, provisions of postmodern criminology and postmodern synthesis of criminological knowledge.

Key words: postmodernism, postmodern reconstruction, postmodern synthesis of criminological knowledge, integrative criminology.